

МАСТЕРА
УРАКОВ

THOMAS LIGOTTI

MY WORK IS NOT YET DONE

MY WORK IS NOT YET DONE

THE AGONISING RESURRECTION OF
VICTOR FRANKENSTEIN
AND OTHER GOTHIC TALES

THE SPECTRAL LINK

A LITTLE WHITE BOOK OF SCREAMS
AND WHISPERS

МАСТЕРА
ЧАСОВ

ТОМАС ЛИГОТТИ

ПОКА МОЙ ТРУД
НЕ ЗАВЕРШЕН

ПОКА МОЙ ТРУД НЕ ЗАВЕРШЕН

МУЧИТЕЛЬНОЕ ВОСКРЕСЕНИЕ ВИКТОРА
ФРАНКЕНШТЕЙНА И ДРУГИЕ ГОТИЧЕСКИЕ
ИСТОРИИ

ПРИЗРАЧНАЯ СВЯЗЬ

МАЛЕНЬКАЯ БЕЛАЯ КНИЖИЦА СТЕНАНИЙ
И ШОРОХОВ

ПЕРЕВОД С АНГЛИЙСКОГО
ГРИГОРИЯ ШОКИНА
И АЛЕКСАНДРА ОДНОШИВКИНА

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО АСТ

УДК 821.111 (73)
ББК 84(7Coe)
Л55

Thomas Ligotti

MY WORK IS NOT YET DONE

THE AGONISING RESURRECTION OF VICTOR
FRANKENSTEIN
AND OTHER GOTHIC TALES

THE SPECTRAL LINK

A LITTLE WHITE BOOK OF SCREAMS
AND WHISPERS

Печатается с разрешения автора при содействии
McIntyre Agency

Перевод с английского:
Григорий Шокин, Александр Одношивкин

В оформлении обложки использована иллюстрация
Валерия Петелина

Дизайн обложки: *Юлия Межова*

ISBN 978-5-17-149014-0

My Work Is Not Yet Done, Copyright © 2008 by Thomas Ligotti

The Agonizing Resurrection of Victor Frankenstein: And Other Gothic Tales, Copyright © 2014 by Thomas Ligotti

The Spectral Link, Copyright © 2014 by Thomas Ligotti

A Little White Book of Screams and Whispers,

Copyright © 2019 by Thomas Ligotti

© Григорий Шокин, перевод, 2024

© Александр Одношивкин, перевод, 2024

© Валерий Петелин, иллюстрация, 2024

© ООО «Издательство АСТ», 2024

ПОКА МОЙ ТРУД
НЕ ЗАВЕРШЕН

ТРИ ИСТОРИИ
О КОРПОРАТИВНОМ
УЖАСЕ

Посвящается Мари Лаццари

ПОКА МОЙ ТРУД НЕ ЗАВЕРШЕН.

ОПЛАТА ЖИЗНИ

ДОКУМЕНТ 1

1

Я всегда чего-то боялся.

Однако — прошу простить, если кажется, будто я пытаюсь выставить себя в лучшем, нежели на самом деле есть, свете, — несмотря на невыносимые страдания, которые может причинить подобная черта характера, я никогда не находил в ней повода для стыда или сожаления. Я обнаружил, что даже самые лучшие из нас не способны не выказывать толику страха и неуверенности, или даже откровенной паники. Если хочешь прожить хоть один день без самых разных тревог — нужно вести себя предельно по-свински, известное дело; но ведь есть люди настолько смелые, что готовы сами себе нарисовать мишень на лбу и начать махать руками, как бы призывая: *«Ну-ка, взгляните все на меня! Смотрите, что умею! Ну же, спускайте всех собак!»*

Очевидно, в тех, кто всеми силами держится за место под солнцем и не видит в том, чтобы стать выше стада, никакой добродетели, есть что-то свинское — такие люди никогда не учинят себе неудобств, а всяческих страхов и испытаний будут старательно избегать. Да что уж там, в каждом это свинское начало есть — от человека к человеку меняется лишь его концентрация.

ПОКА МОЙ ТРУД НЕ ЗАВЕРШЕН

В компании, где я работал долгое время, самую чистую породу свиней представляли семь человек, которых я встречал по еженедельному графику в конференц-зале. Меня повысили — несколько неохотно, но по фактическим заслугам, — до поста начальника подразделения, одного из бесчисленных во владении компании, и нынешнее мое положение требовало, чтобы я вместе с шестью другими мне подобными наносил визит седьмому, ставшему нашим боссом в силу того, что в нем-то от свињи было куда больше, чем во всех нас.

Во время встречи с моими коллегами Дэйв, чей разум не был заиклен, как мой, на аналогии со свиньями, назвал мое еженедельное окружение Семью Пномами.

— Извини, Дэйв, — уточнил я, — тогда я, получается, Белоснежка?

— Нет, Фрэнк, — сказала Лиза, — ты будешь принцем... как его там?..

— Принц, — подала голос Луиза.

— В смысле? — Лиза уставилась на Луизу.

— Принц — и этим все сказано. В крайнем случае *Прекрасный* принц. Ты что, даже мультик не видела?

Шутка придала лицу Лизы обиженное выражение. Ей оно удалось на славу.

— Эй, я пошутила, — оправдалась Луиза, которую нелегко было обмануть ложными или преувеличенными выпадами. Лиза сразу пришла в хорошее настроение.

— Все верно! Прекрасный принц! — прощепетала она.

Томас Лиготти. ПОКА МОЙ ТРУД НЕ ЗАВЕРШЕН

— Спасибо за разъяснение, Лиза,— сказал я, но тут встряла Кристина.

— Обычно мы говорим хорошие вещи о Фрэнке за его спиной. Но ничего, ты здесь всего неделю,— сообщила она.

— Извините, если это прозвучало так, будто я пыталась набрать очки или что-то в этом роде,— сказала Лиза, на этот раз она звучала очень искренне.— Отдел, где я работала...

— Ты там больше не работаешь,— сказал я.— Теперь ты здесь. И *все* здесь работали в других отделах компании...

— Кроме тебя, Фрэнк,— добавил Алоиз.— Ты здесь был всегда.

— Твоя правда,— признал я.

После встречи с моим персоналом я сразу же перешел к другой — на которой я был более чем когда-либо полон решимости повести себя как свинья. У меня была новая идея, которую я хотел представить коллегам на рассмотрение — что, конечно же, требовало куда больше храбрости, нежели свинства,— но с момента моей реабилитации в глазах коллег уже прошло немало времени, и я с досадой ощущал, что моя профпригодность вновь оказывается под вопросом.

В этом парадокс постоянного страха: в то время как муки дурного предчувствия и самосознания позволяют представить себя существом, сотканным из более тонких материй, чем большинство, определенный уровень такого стресса неизбежно ведет к тому, что ты начинаешь пресмыкаться перед заверениями и одобрением сви-

ПОКА МОЙ ТРУД НЕ ЗАВЕРШЕН

ней или, если угодно, гномов — действующих как проводники страха, от которого они сами, по-видимому, не страдают. И как хорошо они умеют контролировать этот страх, поворачивая его в вашу сторону по своему желанию и заставляя его ужасный поток течь ровно столько, чтобы заставить вас бежать к ним и сбивчиво клясться в собственном свинстве, надеясь доказать, что вы еще большая свинья, или гном поменьше, чем они сами! Ведь только так можно облегчить этот самый острый и пагубный симптом — беспокойство, спровоцированное другими людьми и тем, что они могут сделать с вами, коллективно или по отдельности.

Трагично то, что никак не выходит справиться с этим страхом, позволяющим верить в себя как в чуть лучший образец человека в сравнении с окружением. По прошествии определенного срока, после некоторого беспокойства так и представляешь себя запертым в маленькую комнату незнамо где, опоенным сильнодействующими седативными и всерьез подумывающим о том, чтобы убить себя (или кого-то еще, кто знает). Так что я был прямо-таки поглощен этой моей новой идеей, особым свинским проектом по увеличению дохода моей свинской компании. Я жаждал получить гнусавое «добро» от моих грязных приятелей, стать поводом для шепелявых пересудов — восторженных, конечно, — семи гномов.

Излишне говорить, что я был дьявольски напуган.

Томас Лиготти. ПОКА МОЙ ТРУД НЕ ЗАВЕРШЕН

Как обычно, в комнату для совещаний, где предстояло встретиться с Ричардом, топ-менеджером, и шестеркой других руководителей подразделений, пришел я первым. Данное помещение располагалось не в отремонтированной части здания, где велась большая часть дел компании, а там, где еще сохранялся с времен до Великой Депрессии стиль 1920-х годов — я так и не понял, под какие нужды оно отводилось прежде, такое непомерно просторное, располагающее к лоску костюмов и громким бизнес-переговорам. Ряды витиеватых бра, через равные промежутки торчащих из текстур выцветших и замысловато-узорчатых обоев, отслоившихся кое-где от стены, изо всех сил пытались полностью осветить комнату: едва можно было разглядеть осыпавшуюся лепнину, втиснутую между верхними краями стен и затененным потолком.

Стол, за которым я и остальные собрались, казалось, был телепортирован из какого-нибудь банкетного зала прошлого века. Огромные кожаные кресла, в которых мы взаправду казались гномами, с годами стали скрипучими, как старые половицы, — в таких не поерзать даже без опаски привлечь к себе внимание. Вдоль одной стены был ряд больших окон — с балдахинами, но без занавесок. Мне нравилось смотреть в эти окна, можно было увидеть реку и красивый вид на другие старые офисные здания.

Однако как раз в то утро густой весенний туман держался достаточно долго, чтобы скрыть извивы

реки и превратить остальные здания в центре города в призраки самих себя; видны были только самые близкие, отбрасывавшие в туман огни, напоминающие странные башни маяков. Я был благодарен дряхлеющим памятникам города за то, что предоставляли мне — конечно, не в первый раз,— успокаивающую перспективу, которую может дать только образ вырождения и упадка.

Вскоре, однако, прибыли остальные, заняли свои места и опустили свои огромные кружки с кофе и бутылочки с водой на всю исцарапанную поверхность стола. Я никогда не переставал удивляться, как во время этих встреч, всегда длившихся менее часа, потребляли они такое невероятное количество кофе, воды, фруктовых соков и прочего. Что до меня, то перед каждым еженедельным собранием я старался помногу не пить, чтобы лишний раз не отвлекаться от работы, выбегая из конференц-зала в поисках туалета.

Тем не менее ни у кого из остальных, как бы тщательно я ни искал явные признаки стресса, не было ни малейшей проблемы в этой области. Менее всех, казалось, страдал Ричард от подобных телесных домогательств, потому что каждый раз он появлялся не только с самой большой кофейной кружкой, но также и с огромным термосом, из которого он по крайней мере дважды наполнял свою большущую бочкообразную емкость, на которой красовался логотип компании. Просто наблюдать за тем, как эти люди глоток за глотком уговаривают различные жидкости, было все равно что смотреть на ряд писсуаров. Как-то раз я даже

Томас Лиготти. ПОКА МОЙ ТРУД НЕ ЗАВЕРШЕН

заподозрил, что эти люди втайне носят подгузники и свободно справляют нужду за разговорами о бюджетах и зарплатах, скорости выхода на рынок и аутсорсинге.

Не поймите превратно, все эти раздумья говорят лишь о том, что мои товарищи по бизнесу и наш босс Ричард представлялись для меня загадкой во всех смыслах. Мне они казались фантастическими существами, более чем достойными сказочного определения «семь гномов», хотя происхождение прозвища было более очевидным и банальным. И это вовсе не означало, подчеркну, что между Чихуном, Ворчуном, Соней и прочими славными трудолюбивыми ребятами, вкальвающими на алмазной шахте, и теми семью людьми, что собрались со мной за одним столом, было хоть что-то общее.

Мои коллеги-надзиратели, а с ними и Ричард, не входили ни в число приятных, ни в число трудолюбивых людей. Однако — я отнюдь не шучу, — их звали *Барри, Гарри, Перри, Мэри, Кэрри, Шерри* и, конечно же, Ричард, которого, как я слышал, называли «Умниш». Происхождение прозвища служило предметом горячих пересудов, поводом для кулуарных анекдотов — но уж точно не роднило Рика с Умником из сказки о Белоснежке.

В какой-то момент Ричард наигранно откашлялся — раздражающим звуком призывая собрание к порядку. «Гномовья» болтовня стихла, все взгляды обратились ко главе стола, к единственному из нас, чье кресло не казалось непропорциональным телу. Но вся соль в том, что по части комплекции

ПОКА МОЙ ТРУД НЕ ЗАВЕРШЕН

Ричард мог заткнуть за пояс любого завсегдага магазина одежды для крупнотелых. Он не был тучен, напротив — подтянут, ладно скроен, спортивен даже: этакий вышедший в тираж бейсболист или игрок в американский футбол, до средних лет сохранивший хорошую физическую форму. Глядя на него, с легкостью можно было представить стенд с золочеными кубками, маячащий за широкими плечами.

— Ну что ж, начнем, — пророкотал Ричард, человек-гора, уставившись на лежащий на столе лист бумаги с повесткой созыва. — Итак, начнем с тебя, Домино. О новой продукции...

Для протокола: меня зовут не *Домино*, а *Доминио*, с двумя «и».

Для более дотошного протокола: я уже не раз поправлял Ричарда — как публично, так и в частном порядке — относительно правильного звучания моей фамилии.

Я так и не смог выяснить, в чем причина его упорства. То ли ему настолько нет до меня дела, то ли Ричард просто не дурак поиздеваться. Его озорное коверканье моего имени всегда пробивало окружающих на смешки, и он не мог это не подмечать.

Словно играя в покер, я поспешно раздал коллегам конспект своего проекта на двух листах — выжимку из гораздо более объемного документа. Я набрал его с широкими полями и крупным шрифтом, чтобы аппарат руководителей среднего звена смог всё быстро переварить. Пока они читали, переходя почти одновременно с первой страницы на вторую, я старался не смотреть на них. Когда Ричард закон-

чил знакомство, он отложил документ и уставился на него, как на миску с хлопьями, в которой, как ему показалось, он заметил что-то несъедобное... или как на русло реки, в мелководье которой, сквозь прозрачные воды, виден блестящий самородок.

— Прости, Фрэнк,— сказал он,— но не уверен, что правильно ухватил суть.

Я выпрямился, насколько мог, в своем гигантском кресле.

— На последней встрече ты сказал, что отдел по разработке новой продукции кинул клич, что бывает довольно-таки редко, и им теперь можно предлагать свои идеи. Ну вот я и предложил. Идею. Для нового продукта. Или даже для целой линейки новых продуктов.

— Это я ухватил, спасибо. Просто... как мне кажется, все это как-то... далековато от того, чем мы обычно занимаемся.

— Отчасти так и есть... вернее, так может показаться на первый взгляд. Понимаю, что определенные сомнения могут возникнуть. Вот почему я и решил поднять этот вопрос на встрече. Я бы счел ценными любые отклики, которые могут быть у кого-либо, прежде чем провести полновесную презентацию продукта.

— То есть это даже не весь материал? — уточнил Ричард.

— Да, кое-что еще припасено,— сказал я.

— Ну и ну. Интересно. Как ты только время нашел? Все остальные разгребали завалы в этом месяце — причем такие, что, не ровен час, всю контору засыплет.

ПОКА МОЙ ТРУД НЕ ЗАВЕРШЕН

